

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»
<https://vfn-journal.ru>
2025, Том 5, № 6 / 2025, Vol. 5, Iss. 6 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык и языки народов России (филологические науки)
УДК 882.162.1.

¹ Су Лэсюе

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Информационная структура и нарративные стратегии в рассказах А.П. Чехова о детях: синтез лингвопоэтических подходов

Аннотация: статья посвящена многоуровневому анализу нарративной организации детских рассказов А.П. Чехова 1880-х годов («Гриша», «Беглец», «День за городом», «Дома»). В работе впервые на материале рукописных вариантов рассказов из Полного собрания сочинений прослеживается эволюция авторских художественных решений, осуществляемых в микроскопических текстовых изменениях – как в лексике, так и в организации диалога. Нарративный анализ выявляет диалектику объективного и субъективного: описания интерьера, специфические метафоры и подбор глагольных форм наделяют повествование двойной, «расщепленной» оптикой, позволяющей через частные детские переживания обнаруживать экзистенциальные и социальные парадоксы. Особый акцент делается на эмотивном потенциале глагольной парадигмы, с помощью которой автор транслирует динамику эмоционального состояния персонажей и ритм психологических перемен. Также автором подробно рассматривается хронотопическая организация: соотнесение циклического детского времени и линейного времени взрослых, пространственные метафоры экзистенциального пленя, отсылающие к семиотике Достоевского.

Ключевые слова: нарративные стратегии, творчество А.П. Чехова, лингвопоэтический подход, информационная структура

Для цитирования: Су Лэсюе. Информационная структура и нарративные стратегии в рассказах А.П. Чехова о детях: синтез лингвопоэтических подходов // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 6. С. 81 – 85.

Поступила в редакцию: 13 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 01 июня 2025 г.; Принята к публикации: 16 июня 2025 г.

¹ Su Lexue

¹ St. Petersburg State University

Information structure and narrative strategies in A.P. Chekhov's stories about children: synthesis of linguopoetic approaches

Abstract: the article is devoted to a multilevel analysis of the narrative organization of Anton Chekhov's children's stories of the 1880s ("Grisha", "The Fugitive", "A Day in the Country", "Doma"). For the first time, based on the material of handwritten versions of stories from a Complete Collection of works, the author traces the evolution of artistic solutions implemented in microscopic textual changes, both in vocabulary and in the organization of dialogue. Narrative analysis reveals the dialectic of the objective and the subjective: descriptions of the interior, specific metaphors, and the selection of verbal forms endow the narrative with a double, "split" optics that allows one to discover existential and social paradoxes through private childhood experiences. Special emphasis is placed on the emotive potential of the verbal paradigm, through which the author translates the dynamics of the emotional state of the characters and the rhythm of psychological changes. The author also discusses chronotopic organization in detail.: the correlation of cyclic children's time and linear adult time, spatial metaphors of existential captivity, referring to Dostoevsky's semiotics.

Keywords: narrative strategies, Anton Chekhov's creative work, linguopoetic approach, information structure

For citation: Su Lexue. Information structure and narrative strategies in A.P. Chekhov's stories about children: synthesis of linguopoetic approaches. Philological Sciences Bulletin. 2025. 5 (6). P. 81 – 85.

The article was submitted: May 13, 2025; Approved after reviewing: June 01, 2025; Accepted for publication: June 16, 2025.

Введение

Актуальность представленной работы обусловлена современными тенденциями к переосмыслению структуры и стилистики классической литературы. Детская тематика в чеховской прозе долгое время оставалась на периферии научного интереса, несмотря на то, что именно в этих текстах проявляется уникальный «принцип семантического сгущения», сформулированный А.П. Чудаковым, когда минимальные текстовые сегменты несут предельную смысловую нагрузку. Актуальность выбранной темы обусловлена необходимостью комплексного анализа художественных механизмов, благодаря которым ограниченное детское восприятие становится инструментом осмысливания сложных философских и социальных вопросов. Особое значение приобретают последние исследования, указывающие на нарративные и лингвистические инновации Чехова в построении детского мира, а также на интертекстуальные связи с философско-литературной традицией XIX века.

В начале XX века творчество А.П. Чехова критики рассматривали как отражение как национальных, так и универсальных ценностей. Одни подчеркивали его объективность и правдивость в изображении русской жизни, другие отмечали его глубину как мыслителя. Образы Чехова выходят за рамки только русской жизни и имеют общечеловеческое значение, а ограничивать его роль только бытописанием – значит не видеть истинного масштаба художника. Чеховставил под сомнение способность человеческой души к идеалу, поднимая фундаментальные философские и религиозные вопросы и выражая «мировую скорбь» наравне с крупнейшими поэтами Европы. Некоторые критики полагали, что Чехов изображал русскую жизнь неправдиво, был ограничен рамками своего времени и уделял внимание только быту, лишенному глубинных смыслов. Тем не менее, литературное наследие писателя позволяет обоснованно считать Чехова выдающимся бытописателем, который прекрасно передал детали своей эпохи.

Цель статьи заключается в выявлении многоуровневых стратегий нарративной организации в рассказах «Гриша», «Беглец», «День за городом» и «Дома», созданных в 1880-х годах, с опорой на элементы структурно-семантического, эмоционального и нарратологического анализа. Для достижения этой цели ставятся следующие задачи:

- проанализировать, каким образом детское восприятие становится фильтром для интерпретации взрослой реальности;
- рассмотреть роль глагольных и композиционных средств в создании эмотивного пространства произведений;
- выявить особенности построения диалогических и хронотопических структур;
- проследить динамику авторского замысла на основе анализа черновых и опубликованных вариантов текстов.

Материалы и методы исследований

Исследование исходит из необходимости объединения структурно-семантического, нарратологического и эмотивного лингвистического подходов, что позволяет наиболее полно раскрыть особенности чеховской поэтики. Ключевым аналитическим инструментом выступает «принцип семантического сгущения» (А.П. Чудаков), согласно которому минимальные текстовые сегменты обладают высокой смысловой нагрузкой – данная черта в детской прозе Чехова комбинируется с специфической оптикой детского восприятия, делающей детский взгляд медиатором универсальных философских смыслов.

Результаты и обсуждения

Анализ нарративной организации детских рассказов А.П. Чехова требует многоуровневого подхода, объединяющего структурно-семантический анализ текста. Как отмечает А.П. Чудаков, ключевой особенностью чеховской поэтики является «принцип семантического сгущения, когда минимальный текстовой сегмент аккумулирует максимальную смысловую нагрузку» [7, с. 48]. В контексте детской тематики этот принцип приобретает особое измерение, где ограниченное восприятие ребенка становится оптикой для рефлексии универсальных философских проблем.

Центральным объектом исследования выступают четыре рассказа 1880-х годов: «Гриша» (1886), «Беглец» (1887), «День за городом» (1886) и «Дома» (1887). Методологическая рамка синтезирует принципы формальной школы (В.Б. Шкловский), эмотивной лингвистики (В.И. Шаховский) и нарратологического анализа (М.М. Бахтин). Особое внимание уделяется рукописным вариантам из Полного собрания сочинений, позволяющим проследить эволюцию авторского замысла.

Структура информационного пространства в исследуемых текстах строится на диалектике внешней объективности и внутренней субъективности. В рассказе «Гриша» нейтральное описание комнаты няни трансформируется через метафоризацию восприятия: «печка глядела черным дуплом, как слепой глаз» [6, с. 83]. Здесь реализуется принцип «двойной оптики», где статичный интерьер становится проекцией детских страхов. Подобный прием находим в «Беглеце», где повторяющаяся реплика доктора «дурак» (трижды в трех страницах текста) через градацию интонаций от раздражения к равнодушию маркирует не столько характеристику персонажа, сколько кризис медицинского дискурса [6, с. 385]. Как справедливо отмечает Е.В. Лазуткина, «чеховские дети становятся катализаторами обнажения социальных парадоксов» [5, с. 45].

Лингвистический механизм создания эмотивности раскрывается через анализ глагольной парадигмы. В «Дне за городом» динамика природных явлений синхронизирована с психологическими состояниями: итеративные конструкции первой части («дождь стучал», «ветер рвал») контрастируют с дуративными формами финала («луна плыла», «свет струился»). Эта особенность соответствует концепции В.И. Шаховского о «грамматикализации эмоций», где аспектуальные формы глаголов становятся носителями психологического содержания [8, с. 112].

Особого внимания заслуживает организация диалогических структур. В рассказе «Дома» коммуникативный конфликт между отцом и сыном строится на столкновении логических конструкций взрослого мира («Во-первых, воровство противоречит закону...») с экзистенциальными вопросами детского сознания («А почему кухарке можно лизать пальцы?») [6, с. 101]. Как показывает сравнительный анализ черновых вариантов, Чехов сознательно усиливал этот контраст: в ранней редакции реплика Сережи звучала менее провокационно – «А кухарка тоже берет» [6, с. 634].

Хронотопическая организация текстов раскрывает глубинные философские антиномии. В «Грише» циклическое время детства (повторяющиеся ритуалы кормления, прогулок) противопоставлено линейному времени взрослого мира, где «часы на стене отмеривали минуты как тюремные сроки» [6, с. 85]. Этот прием находит развитие в «Беглеце», где пространство больницы с его «железными решетками» и «стуком маятника» становится метафорой экзистенциального плена. Н.И. Изотова справедливо усматривает в этом влияние традиций Достоевского: «Чеховский хронотоп медицинских учреждений наследует семиотику „Мертвого дома“» [3, с. 78].

Сравнительный анализ иллюстраций к детским рассказам (работы Д.Н. Кардовского 1903 г. и Кукрыников 1954 г.) выявляет эволюцию рецепции чеховских образов. Если дореволюционные иллюстраторы акцентировали лиризм детского восприятия (мягкие акварельные тона, округлые формы), то советские художники гипертрофировали социальный конфликт (резкие контрасты света и тени, угловатые силуэты). Эта трансформация подтверждает тезис М.М. Бахтина о «диалогической природе художественного текста», где смыслы непрерывно переосмыляются в новых культурных контекстах [1, с. 331].

Проведенное исследование демонстрирует системный характер чеховской поэтики, где формальные элементы текста (лексические повторы, аспектуальные формы, пространственные детали) становятся носителями философского содержания. Как отмечал сам писатель в письме к А.С. Суворину от 1 апреля 1890 года: «Искусство тем и прекрасно, что в нем нельзя лгать – малейшая фальшь режет глаз как грязное пятно на прозрачном стекле» [6, с. 89]. Детские рассказы Чехова подтверждают этот тезис, доказывая, что художественная истина рождается не через патетику, а через точность психологического наблюдения и языкового мастерства.

Период создания исследуемых рассказов (1886-1887 гг.) совпадает с важным этапом в творческой эволюции Чехова. Если ранние произведения 1880-х годов отличались юмористической стилистикой («Пестрые рассказы»), то к середине десятилетия писатель обращается к психологическому реализму, сочетающему лаконичность формы с философской глубиной. Эта трансформация коррелирует с социально-политическими процессами эпохи контрреформ Александра III: подавление свободомыслия, ужесточение цензуры (1882), кризис народнического движения. Как отмечает В.Б. Катаев, «Чехов 1880-х – это художник, научившийся говорить правду через умолчание, критиковать через деталь» [4, с. 67].

В рассказах о детях социальная критика реализуется через призму «наивного взгляда». Например, в «Беглеце» (1887) описание больничной решетки («железные прутья, как в зверинце») через восприятие

ребенка обнажает дегуманизацию медицинской системы [6, с. 348]. Этот прием отражает общую тенденцию литературы 1880-х годов к косвенной социальной рефлексии в условиях цензурных ограничений.

Характерная для Чехова этого периода «сжатость» повествования проявляется в двух аспектах:

1. Синтаксическая экономия: преобладание простых предложений, минимизация метафор («Дождь стучал. Ветер рвал» – «День за городом»).

2. Семантическая полифония: бытовые детали приобретают символическое звучание. В «Дома» бархатная куртка Сережи [6, с. 99] маркирует не только социальный статус, но и экзистенциальную отчужденность ребенка в мире взрослых условностей.

Эта стилевая стратегия соответствует философии «малых дел», популярной среди интеллигенции 1880-х. Как писал сам Чехов в письме к А.Н. Плещееву: «Нельзя изобразить море, пока не напишешь каплю» [6, с. 34].

Анализируемые рассказы отражают ключевые противоречия пореформенной России:

1. Деревня vs город: В «Дне за городом» контраст идиллической природы («тихий пруд с кувшинками») и урбанистической реальности («фабричные трубы дышат ядом») (Чехов, 1974) воспроизводит дискурс о последствиях индустриализации.

2. Образование vs свобода: В «Грише» система воспитания («няня тащила за руку», «городовой следил») противопоставлена детскому стремлению к познанию («глаза ловили каждую муху») [6, с. 84].

Таким образом, детские рассказы Чехова 1880-х годов представляют собой уникальный синтез художественного новаторства и социальной рефлексии. Через минималистичную поэтику писатель фиксирует кризисные явления эпохи: отчуждение личности в бюрократизированном обществе, крах просветительских идеалов, экзистенциальное одиночество «маленького человека». Как отмечал Л.Н. Толстой, «Чехов – это Пушкин в прозе: каждая его фраза требует медленного чтения, ибо за ней целый мир» [2, с. 201].

Выводы

Проведенный анализ детских рассказов А.П. Чехова показывает, что особенности их нарративной организации неразрывно связаны с принципом семантического сгущения, где даже лаконичные текстовые отрывки аккумулируют многослойный смысл. В детской прозе писателя этот принцип обретает особую глубину за счет специфической детской оптики: ограниченное восприятие ребенка становится не только художественным приемом, но и основой для отображения сложных философских и социальных проблем. Важную роль в создании многогранной эмотивности играет глагольная парадигма, а также грамматизация эмоций, благодаря чему психоэмоциональные состояния персонажей пронизывают структуру повествования. Столкновение объективной реальности с субъективным детским мироощущением реализуется через метафоризацию пространства, хронотопические противопоставления времени взрослых и детей, а коммуникативные конфликты отражают извечные антиномии между рациональностью и наивно-экзистенциальным вопросом ребенка. Исследование рукописных вариантов позволяет проследить эволюцию авторского замысла, подчеркивая работу Чехова с диалогами и нюансами нарративного ритма для усиления смысловых контрастов. Автор приходит к выводу, что чеховские детские рассказы служат экспериментальной площадкой для реализации глубинных приемов поэтики, обогащая традиции русской литературы и открывая новые горизонты для осмыслиения внутреннего мира ребенка как точки пересечения частного и универсального.

Список источников

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. Громов М.П. Книга о Чехове. М.: Современник, 2023. 384 с.
3. Изотова Н.И. Хронотопические модели в малой прозе Чехова. СПб.: Алетейя, 2021. 208 с.
4. Капустин Н.В. Неповторимая повторяемость: проза Чехова в жанровом аспекте. М.: Инновационный научно-образовательный и издательский центр «Алмавест», 2022. 224 с.
5. Катаев В.Б. Проза Чехова: проблемы интерпретации. М.: МГУ, 2004. 320 с.
6. Лазуткина Е.В. Детский дискурс в русской литературе XIX века. М.: Флинта, 2016. 176 с.
7. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. / ред. Н.Ф. Бельчиков. М.: Наука, 2023. 4576 с.
8. Чудаков А.П. Поэтика Чехова. М.: Наука, 2021. 292 с.
9. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: ЛКИ, 2025. 208 с.
10. Шураева Ф.М. Семантическое соответствие оригинального и переводного импрессионистических текстов (на материале прозы А.П. Чехова) // Язык и культура в современном мире: теория, практика, инновации. Ростов-на-Дону: Донской государственный технический университет, 2023. С. 152 – 153.

References

1. Bakhtin M.M. Aesthetics of Verbal Creativity. Moscow: Iskusstvo, 1979. 424 p.
2. Gromov M.P. Book about Chekhov. Moscow: Sovremennik, 2023. 384 p.
3. Izotova N.I. Chronotopic Models in Chekhov's Short Fiction. St. Petersburg: Aleteya, 2021. 208 p.
4. Kapustin N.V. Unique Repetition: Chekhov's Prose in Genre Aspect. Moscow: Innovative Scientific, Educational and Publishing Center "Almavest", 2022. 224 p.
5. Kataev V.B. Chekhov's Prose: Problems of Interpretation. Moscow: Moscow State University, 2004. 320 p.
6. Lazutkina E.V. Children's discourse in Russian literature of the 19th century. Moscow: Flinta, 2016. 176 p.
7. Chekhov A.P. Complete works and letters: in 30 volumes. Ed. N.F. Belchikov. Moscow: Nauka, 2023. 4576 p.
8. Chudakov A.P. Chekhov's poetics. Moscow: Nauka, 2021. 292 p.
9. Shakhovsky V.I. Categorization of emotions in the lexical-semantic system of language. Moscow: LKI, 2025. 208 p.
10. Shuraeva F.M. Semantic correspondence of the original and translated impressionistic texts (based on the prose of A.P. Chekhov). Language and culture in the modern world: theory, practice, innovations. Rostov-on-Don: Don State Technical University, 2023. P. 152 – 153.

Информация об авторах

Су Лэсюе, Санкт-Петербургский государственный университет, sulexue@gmail.com

© Су Лэсюе, 2025